

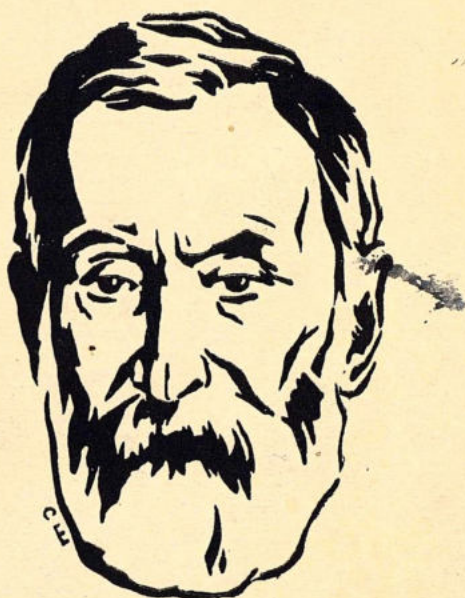
P4 192

P4 192

3

6

М. ФРОЛЕНКО

ЗАПИСКИ СЕМИДЕСЯТНИКА

МОСКВА 1927

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН
И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ
И ДР. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОН-
НОГО ПРОШЛОГО РОССИИ

КНИГА XX—XXI

МОСКВА

М. Ф. ФРОЛЕНКО

Р 4 1/192

ЗАПИСКИ СЕМИДЕСЯТНИКА

С ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ
НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТАХ

1137/3

1927

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие	Стр. 7
-----------------------	-----------

ЧАСТЬ I.

I. Из далекого прошлого. 1. Ранние годы. 2. Революционные воспоминания.	9
II. Движение 70-х годов	86
III. Хождение в народ 1874 года	107
IV. Маликов и маликовцы	113
V. Побег «Алеши Поповича»	119
VI. Как я был тюремным надзирателем	129
VII. Подкоп под Херсонское казначейство	153
VIII. Липецкий и Воронежский с'езды	156
IX. Возникновение «Народной Воли»	176

ЧАСТЬ II.

I. Процесс 20-ти	185
II. Милость	189
III. Шлиссельбург	202
IV. Свобода	260
V. На воле	284
VI. Памяти отошедших. 1. Сергей Жебунев и Кобиев. 2. И. М. Ковальский. 3. М. Р. Попов. 4. Воспоминания о П. А. Кропоткине. 5. Т. И. Лебедева. 6. В. Д. Лебедева. 7. Из воспоминаний о В. И. Засулич. 8. А. И. Зунделевич. 9. Мих. Вас. Новорусский	295
Указатель имен	331

гах. Он на свой счет содержал большую школу, и его имя ему не только не давало доходов, но он ухлопывал на него все свое жалование и еще прианимал. Поэтому для нас расход на дорогу и на содержание двух жандармов был довольно чувствительной тратой. Не согласится ли губернатор на одного жандарма? И в этом духе пишем мы ему заявление, но в то же время Вера Дмитриевна снова садится на поезд и мчится в Питер. Проходит немного времени, как ко мне является урядник и передает якобы секретную бумагу. Читаю и вижу—это выписка из сенатского постановления о том, чтобы меня отпустить без задержки немедленно. Таким-то образом, наконец, получил я полную свободу и поехал на Кавказ уже вольным человеком, и это только благодаря необыкновенной энергии и настойчивости Веры Дмитриевны. Если к этому прибавить, что она уже была немолода и не совсем здорова, то неудивительно, как должен был я быть благодарен за все ее хлопоты обо мне и заботы; забыть это трудно, и вот почему я и взялся напомнить о ней. Подробностей того, что делала Вера Дмитриевна, я не мог знать, ибо мне семь лет нельзя было жить в Москве, и я только случайно проездом бывал за это время там два, да после,—в 1913 г., кажется,—недолго прожил в Москве; и вот тут я видел воочию, как за столом сын ее, Владимир Петрович, перекатывал по столу золотые, а она все это ловила и передавала в руки разных политических деятелей и в Красный Крест для сидящих. Таким образом, их дом, как я узнал, оставался верен сам себе вплоть до последнего времени, когда ее сын и она умерли. Она болела камнями в почках. Сын умер от удара. Этого сына когда-то учила Татьяна Ивановна Лебедева, и он, заполучив в последнее время очень хорошо оплачиваемое место, массу денег тратил через Веру Дмитриевну на политических, хотя сам и не состоял ни в каких кружках.

Память о Vere Дмитриевне, вероятно, жива еще у многих. Вспомняем же ее добрым словом и скажем ей сердечное спасибо. Такие люди много помогли революции.

7. Из воспоминаний о Vere Ивановне Засулич¹.

В 1875 году некоторые члены разложившейся киевской коммуны, как-то: Мокриевич, Стефанович, Маша Коленкина и др., составили группу так-называемых бунтарей. Я не знаю, была ли Вера Ивановна в коммуне², но уже в конце этого года, когда я пристал к этой группе, она считалась ее членом, и когда зашла речь о поселениях в деревнях, то Вера Ивановна, не знавшая меня и даже никогда не видавшая (я в это время застрял в Одессе), согласилась играть роль моей жены и сама вместе с Марусей Ковалевской отправилась в де-

¹ Впервые напечатано в № 3 «Каторги и Ссылки» за 1924 год.—*Ред.*

² В киевской коммуне В. И. Засулич участия не принимала.—*Ред.*

ревню Цибулевку, высмотрела там пустую хату, наняла ее якобы под чайную и поместилась в ней. Я пришел поздней. Была весна и страшная грязь; меня взялись довести только до одного торгового села, а дальше пришлось двигаться на своих-двоих.

В нашем селе, расспрашивая, где поселилась моя жена, я наскочил, прежде всего, на сельское правление и писаря, который потребовал мой паспорт. Он взял его, понюхал, полизал языком и только тогда, найдя все в порядке, занес его в книгу. У нас не было чистых бланков для написания паспортов, и мы пользовались старыми; сперва мы смывали с них текст двуххлористой известью и щавелевой кислотой, затем усиленно промывали их водой; вымытый таким образом бланк мы проклеивали крахмалом. Неопытные уголовные этого последнего не проделывали и легко попадали впросак. Непромытый бланк имеет кисловатый вкус и бывает, как тряпка. Мой паспорт удовлетворил писаря вполне, и он с радостью согласился на мое приглашение отпраздновать наше новоселье в ближайшее воскресенье. Старшина и староста в свою очередь обещали тоже притти.

В своей хате я застал Василия Лепешинского и Машу Коленкину, но они, узнав, что я пригласил на новоселье начальство, ушли в свою деревню, где у них была лавочка.

В воскресенье собрались у нас старшина, староста, писарь, лесничий, которого мы и не пригласили, и затем хозяин дома с женой. У них был в том же дворе еще и другой дом—хата. Вера Ивановна, украшая нашу хату лубочными картинками, купила и всю царскую семью и поместила ее в переднем углу около образов.

Начался пир. Чай, постная закуска,—в то время был великий пост,—и, главное, конечно, водка. Наши гости, малость подвыпив, неожиданно нас очень утешили и удивили. Они, глядя на портреты царской семьи, нисколько не смущаясь, принялись зубоскалить и отпускать двусмысленные замечания насчет царевен и царевичей.

Кто-то застучал в двери; выхожу. Оказывается, сотский, почуяв выпивку, зашел узнать, почему мы так долго сидим. Пригласил и его выпить. Выпил, ушел, но вскоре снова явился и, видимо, еще где-то хватил. Опять, обнося всех, и его угостили, но теперь он не ушел, а затеял спор с лесничим. Не успели мы разобраться, из-за чего идет спор, как они схватились и начали драться и барахтаться. Насилу их разняли; сотского вытолкнули за дверь, но пир уже был нарушен, и все вскоре разошлись. На другой день лесничий явился с жалобой, что во время борьбы у него пропали из кармана деньги. «На земле в хате,—говорим мы ему,—мы ничего не находили». Он удовлетворился этим и ушел, но тут нас снова поставила в неловкое положение наша хозяйка дома. Вере Ивановне она принесла квашеных бураков (свекла) и рассола для борща. Этот борщ и был сварен, но—на беду—с салом, а не постный, и стоял уже в печи, когда к обеду пожаловала к нам вдруг и хозяйка. Как тут быть? Поставили самовар, угощаем чаем, а хозяйка все смотрит на печь, но тщетно; нельзя же было оскандалиться

на первых порах скоромной пищей в пост. Так мы и проморили несколько часов ее и себя одним чаем, давши зарок впредь избегать подобных промахов.

Вера Ивановна, вообще, как-то мало придавала значения тому, чтобы не только быть на самом деле, но хотя бы даже и казаться деловитой хозяйкой. Роль Марфы ее совершенно не занимала, и когда подошла пасха, то она категорически отказалась хлопотать о производстве куличей, пасок и всего прочего. Эту роль на себя взяли Маруся Ковалевская и Дробязгин. Я же должен был им доставить муку, масло, яйца и проч. На страстной неделе Маруся и Дробязгин перебрались к нам, и тут началась работа, но их приход чуть-чуть не повел к драме.

Маруся, в качестве швеи, жила в другом селе, а в это время решила бросить его и с узлами—в сопровождении Дробязгина и еще кого-то—вечером отправилась к нам. Этого я не знал и, будучи в Смеле, зашел по дороге, как было условлено, сначала за ней. Из ее села к нам дорога шла лесом; не найдя ее дома, я и пошел этим лесом. Взошла луна; тихо, хорошо было в лесу. Вдруг слышу голоса. Я сразу сообразил, что это, вероятно, и есть Маруся со своими помощниками. Подхожу к небольшой поляне и ясно вижу, что они отдыхают на другой стороне. Быстро направляюсь к ним и кричу: «А что тут за люди такие?» Дробязгин вскакивает с револьвером в руке и бросается ко мне, но крик Маруси: «Да это Михайло»,—не дал ему спустить курок; тут и он уже узнал меня. Дальнейшее наше путешествие, и даже шествие,—с узлами в селе, напрямик через чужие дворы,—прошло благополучно: никто нас не видел и не остановил. Маруся и Дробязгин водворились у нас на житье, и мы с ними принялись за приготовление куличей. Вера же Ивановна, сидя в углу на лавке, только иронически посматривала на нас, не принимая ни малейшего участия в наших сбиваньях яиц, мешании теста, шитье форм из картона и тому подобном. Подходит четверг; уже готово разное тесто: жидкое, полужидкое. Маруся, с книгой в руках, все время командует, приказывает затопить печь, наливает тесто по мерке в формы, и когда печь истопилась, мы их сажаем. С часами наблюдаем за временем печенья; «пора»,—говорит Маруся. Открываем заслонку и диву даемся: по нашим предположениям куличи должны были подняться и упираться в свод печи, а вместо того не видно ничего. Вытягиваю первую форму: что-то тяжелое—и не видно кулича. Заглядываем в форму: батюшки, на дне лишь видна осевшая лепешка! Вынимаем другую—то же самое; третья, четвертая—не лучше. Вера Ивановна торжествует, но по скромности своего характера и из жалости к нам удерживается от резких насмешек, ограничиваясь улыбкой. Мы в унынии, но в нашем распоряжении есть еще пятница и суббота. Погоревав немного, вечером мы составляем план нового опыта. Чуть свет—снова в соседнее село, верстах в 3—4 от нас; там большой базар. Накупаю опять яиц, масла, миндаля, изюму и т. д. Приношу домой, и мы вновь принимаемся

за работу. В субботу все готово; мы сажаем в печь жидкие куличи, но к ним на всякий случай присоединяем один из простого густого теста. Ждем. Вот пора и вынимать. Открываем заслонку и с ужасом видим ту же картину: наши куличи не подпирают собой свода, а лежат на дне форм в виде тяжелых лепешек, и только кулич из простого теста вышел, как следует быть. Вот тебе и пасхальные куличи, которыми мы рассчитывали поразить сельчан! А тут только мы спохватились, что из-за них мы позабыли и про окорок, и про колбасы, и вообще про все остальное, что у нас полагается к столу на пасху. Хорошо еще, что удалась обычная простая пасочка, которую пришлось освятить, когда хозяин приехал за нами в церковь; не догадайся мы ее сделать, совсем бы оскандалились. Но она, конечно, не могла заполнить стол, и, благодаря этому, пришлось ограничиться лишь приглашением хозяев дома, о других и думать было нечего. Мы даже окна закрыли ставнями с той стороны, где напротив был кабак и люди толпились целыми днями.

Эта история сразу открыла нам глаза и показала, что мы взяли на себя неподходящую задачу. О чайной, которую мы имели в виду открыть, и думать было нечего, раз Вера Ивановна не имела ни малейшей склонности к хозяйству. Когда я в первый раз пришел домой, меня прежде всего поразили сенцы и пол в хате. В сенцах от грязи и сору было ступить трудно, а пол в хате представлял такие всюду выбоины, что легко было споткнуться и упасть. Бабы обычно чуть не ежедневно его подправляют, замазывают. У нас об этом никто и не думал. Решили чайную не открывать, а подыскать в другом месте что-либо более подходящее для нас. Но тут произошло одно небольшое обстоятельство, которое еще более ускорило наше бегство из этой деревни. В конце праздников задумал нас навестить один из наших киевлян. За это время нас посетили многие из своих, как-то: Стефанович, Дейч; но у этого был паспорт чиновника; притти ему пешком, как делали другие, показалось неудобным; поэтому мы воспользовались общественной лошадей с повозкой, что находились у нас на постоялом дворе в другом селе, а именно, в Смеле, где хозяином двора был как бы свой человек, хотя это был простой еврей, делающий все из-за денег. Дробязгин—за кучера, чиновник—за барина двинулись из Смелы к нам, и, не разочтя времени, приехали лишь ночью в наше село. В Малороссии ночью села охраняются вартой, т.-е. группой молодежи. Ради праздников она была навеселе, и ей хотелось подучиться. Вдруг варта видит наших путников: «Стой, кто?»—раздаются возгласы. Будь наш чиновник настоящим,—он бы накричал, нашумел, и все бы уладилось. Вместо этого, за него принялся ругаться с вартой Дробязгин. Тогда их потащили в сельское правление к писарю. Писаря не оказалось. Пошел я к старшине, но он отказался вмешиваться в это дело, и нашему чиновнику пришлось провести ночь в правлении. Только лошадь удалось нашему хозяину взять к нам во двор, дабы она не голодала. Утром, когда явился писарь,

прочел паспорт и увидел, что варта накуралесила, нашего гостя с извинениями отпустили, и он пришел к нам, но после этого мы быстро покончили со своей квартирой, снялись и разошлись.

Вера Ивановна уехала в г. Крылов и поселилась там уже, как городская жительница-мещаночка; я же с Мокриевичем нанял дом в другом селе, подалее от нашего.

Таким образом, опыт опрошения для Веры Ивановны закончился, и она больше уже никогда не пыталась играть в него. Несомненно, это было не по ней. Даже самый костюм крестьянки на ней сидел и выглядел как-то странно. Сапоги на высоких сбившихся каблуках мешали ей ходить, и она от боли принуждена была ковылять. Платье оказалось очень коротким, высоко поднятым. Платок на голове ухитрялся постоянно сбиваться на бок. Благодаря всему этому она выглядела и старей, и некрасивей, чем была на самом деле.

Прошло некоторое время. У нас, кроме частных квартир по деревням, был еще общий дом — так сказать, штабная квартира — в г. Елисаветграде. Туда мы наезжали из деревень, там некоторые из нас жили и подолгу. Приезжаю я как-то туда и вижу двух, как будто новых, молодых, довольно красивых барышень; одна оказалась даже с полными розовыми щеками. Хочу уже спросить, кто они такие, но, присмотревшись, вижу, что это Вера Ивановна и Маруся Коленкина. Вид Веры Ивановны в городском костюме совершенно преобразился, а ее душевное, более спокойное, состояние привело и к полноте, и к красоте. Ясно — это был чисто городской житель, и, только находясь под влиянием тогдашнего времени, она согласилась на неподходящую для ее натуры роль. Зато попробовав, она уже больше никогда и не пыталась браться за нее. Будучи по существу человеком способным на всякий подвиг, она, когда у нас зашла речь об образовании конного отряда¹, первая с Марусей Ковалевской стали требовать, чтобы в этот конный отряд были допущены и женщины, имея, конечно, в виду и себя; несомненно, если бы дело дошло до военных действий, она была бы не последней. Мы все уже были вооружены револьверами, она тоже имела его и немало упражнялась в стрельбе с Марусей.

Наше бунтарство было жандармами разбито в этом же 1876 году. Мы разбрелись, было, потом собрались на короткое время в Харькове. Здесь еще раз мы виделись с Верой Ивановной на некоторое время, но затем она уехала в Питер, и только в конце 1877 года я снова услышал о ней. Она и Маша Коленкина, добыв какими-то путями 1.000 руб., прислали на юг В. Осинского с целью предложить, не найдутся ли желающие заняться освобождением из Киевской тюрьмы

¹ Этот конный отряд должен был, раз'езжая по деревням, поднимать в них восстания, уничтожать в них правительственные учреждения, отбирать землю у помещиков и передавать ее крестьянам и вести партизанскую борьбу с правительственными войсками.—*Ред.*

Стефановича, Дейча и Бохановского, арестованных по Чигиринскому делу. Им грозила, несомненно, смерть.

Вскоре Мокриевич, Волошенко, Попко и я согласились поехать в Киев, но так как там не было еще заведено даже хороших сношений с тюрьмой, то Осинский, Волошенко, Попко и я двинулись в Питер, чтобы предварительно заняться охотой на Трепова. Попко и я наняли даже в Питере против полицейского управления комнату и стали следить за выездами Трепова, но тут Вера Ивановна нас предупредила. Она знала, что кто-то ведет дело против Трепова и, встречаясь со мной, даже спрашивала, двигается ли это дело у троглодитов, как называлась та группа, к которой примыкал отчасти Осинский. О том, что я и Попко ведем дело, мне, конечно, нельзя было ей говорить. В свою очередь и она о себе ничего мне не говорила. На ее вопрос я ответил только, что дело находится в периоде слежки. Узнав это, она прошла к Трепову на прием и сама выстрелила в него, ранив его в живот. Ее схватили, судили, но присяжные оправдали. Жандармы, при ее выходе из суда, хотели, было, ее все-таки снова схватить, но тут публике удалось их оттеснить, а ее, усадив в карету, укатить и спрятать так, что ее не нашли, и она потом уехала за границу. Скрывалась она, кажется, у Веймара, а, главным образом, у Грибоедова, как мне передавали.

О заграничной жизни Веры Ивановны, лично я, сидя в Шлиссельбургской крепости, конечно, не мог ничего знать, но слух о том, что она поражала европейцев своей скромностью и беспритязательностью, меня несколько не удивил: он вполне соответствовал тому представлению, какое сложилось у меня о ней за то короткое время, что мы были вместе.

Вера Ивановна, несмотря на довольно значительную начитанность и на то, что она имела свои вполне самостоятельные обо всем мнения и убеждения, редко, однако, выступала на собраниях и никогда не старалась выдвигаться вперед, напоказ другим. Когда поднимался какой-нибудь вопрос, она, высказав свое мнение, обычно, не вступая в полемику, умолкала. Это был человек, живший больше своей внутренней жизнью и не особенно охотно пускавший чужого заглядывать в ее «святая-святыя». Около месяца мы прожили, как выше я говорил, вместе в деревне, и за все это время мы так и не удосужились ближе узнать друг друга, получше уяснить себе взаимные взгляды. Только, помню, вначале, после того неудачного новоселья, когда у нас вышла драка, оставшись одни, мы поглядели друг на друга испытующе, хотели, было, потолковать по душе, как говорится, но и тут у нас ничего не вышло. Посмотрев молча друг на друга издали, мы так и разошлись по своим углам: она—на свою убогую кроватку, я—в угол на лавку, и с тех пор уже и не пробовали даже глазами изучать друг друга. Благодаря этому, о внутреннем мире Веры Ивановны я и не могу ничего сказать больше; люди, знающие ее лучше, пусть заполнят этот пробел, а я скажу еще только несколько

слов о нашем последнем свидании с ней. Это было уже после моего освобождения не то в 1910 г., не то в 1912 г. — точно времени не помню. Она жила в Питере в доме литераторов, занимая там небольшую комнатку. Приехав в Питер и узнав, что Вера Ивановна тоже тут, я отправился навестить ее.

Картина, которую я увидел, отворив дверь в ее комнату сразу напомнила мне прошлое. Вера Ивановна с книгой в руке сидит за столом, заваленным всякой всячиной. На окнах, на другом столе лежат вещи, стоят чайники, тарелки с недоеденной пищей, плохо вымытые стаканы; в углу сложено нето грязное белье, нето хлам какой-то; кровать кое-как закрыта и т. д. Словом, Вера Ивановна осталась вполне верна себе до гроба. На житейские удобства она не обращала совершенно внимания. В это время она, по ее словам, имела какое-то дело с рабочими, и вот там-то и была вся ее душа и сердце, а удобства, еда, питье,—это все скучная, неприятная обязанность, навязанная нам природой, и она отбывала ее, как тяжелую повинность, стараясь отдавать ей как можно меньше времени. Я не был в Питере при последних днях ее жизни, но полагаю, что таковой она пошла и в могилу.

Спи же, дорогой товарищ, спокойно, а память о тебе еще долго будет ходить по земле.

8. А. И. Зунделевич ¹.

В каком году впервые я познакомился с «Зундом» я не помню, но только это было на юге—в Одессе. Он привез нелегальную литературу и упорно настаивал, чтобы мы ее даром не давали, а требовали деньги. «Только заплатив деньги, человек будет беречь книгу, газету»,—говорил он, споря с нами. «Покупным дорожат, даровое же быстро бросают!»—был его довод. Мы приписывали этот довод заграничной практике, полагая, что, мол, верно, там так практикуется, и, перестав спорить, делали потом, кто как находил лучше и удобнее. Таково первое знакомство. Затем в 1878 году (кажется) я застаю его уже в Питере, энергично настраивающим тайное печатание; при моем приходе на его квартиру, я застал его и других за выпиливанием гуттаперчевого или резинового вала для типографии. На ряду с этим мне его представляют, как человека, очень ловко ведущего дело переправки через границу и людей, и книг, и типографских принадлежностей.

Далее он попадает в Сибирь, на Кару, я—в Шлиссельбург, и мы не видимся до 1908 года. Только в этом году, вырвавшись за границу, я еду с женой в Лондон и поселяюсь в одном доме с «Зундом». Он занимал в рабочем квартале небольшую комнатку в нижнем этаже, а мы заняли пустую—в верхнем. В это время он представлял из себя

¹ Напечатано впервые в № 1 «Каторги и Ссылки» за 1924 год.—*Ред.*